

Марианна Озолия,

с 1973 по 2013 год директор памятника архитектуры 13-го века церкви Св.Петра в Риге, поэт.

19.02.2015

Листая памяти страницы...

Ван Клиберн

Всё началось с Вана Клиберна. В середине 60-х годов прошлого века в Государственном художественном музее на ул. Горького (теперь ул. Валдемара) была открыта большая республиканская осенняя выставка «Осень-65». Такие годовые выставки включали в себя все жанры искусства. К ним всегда был повышенный интерес жителей и гостей города. Я тоже посещала эти экспозиции, и каждый раз кто-то из художников являлся «гвоздём программы»: о нём много говорили, обсуждали, проявляя разное отношением к автору — от восхищения до зависти или придинок. Но равнодушных около работ таких авторов не было.

В этот раз центральной работой стала деревянная скульптура «Концерт». Она вызвала удивление, восхищение, сильное возбуждение, словом, — ажиотаж... Автор — некий Игорь Васильев, дебютант.

Это имя прозвучало и заявило о себе впервые среди известных и признанных маститых художников Латвии. Но скульптура... о! что за чудо красоты был вырезанный в светло-золотистых тонах из дерева (кажется яблони) портрет Вана Клиберна – американского талантливого музыканта, победителя конкурса пианистов им. Чайковского в Москве! Поразило не только точное фотографическое сходство, но и вложенная скульптором в портрет одухотворённость, отчего он казался живым ...

Оказалось, что студента 3-го курса Латвийской Академии Художеств так увлёк образ такого же, как и он, молодого американца, что он прямо на концерте Клиберна в Риге делает беглый набросок. Ван Клиберн – у рояля, а Васильев в этот момент лепит с натуры за кулисами. Всё же Игорь подошёл к Вану, но свидание было, можно сказать, молниеносным. Потом, позднее, была вторая встреча двух талантов, теперь уже в Москве, где Клиберн давал очередной концерт.

В результате московской встречи, родилась вторая музыкально одухотворённая скульптура Вана Клиберна. Утончённая работа. Глядя на неё, почти физически слышишь первый концерт Чайковского и представляешь пианиста и его летающие по клавишам руки...

Хотелось смотреть и смотреть на знакомый полюбившийся тогда многим светлый и живой образ виртуозного американского музыканта, так талантливо сделанный молодым скульптором Игорем Васильевым.

Тут хочу вспомнить слова самого ваятеля, сказанные им уже в зрелом возрасте: «В глубине сердца я поклонник классического искусства и, думаю, продолжатель его традиций. Моя задача в искусстве средствами скульптуры выразить дух, и ещё музыку. Скульптура должна передавать музыкальное звучание».

Как нельзя лучше эти принципы скульптора отразились в его уникальной работе «Концерт».

Хорошо помню, что, стоя около этого произведения, я думала об авторе, пыталась представить себе человека, который умеет так красиво работать. И мне захотелось его увидеть, познакомиться. Это были просто желание, фантазия, навеянные сильным впечатлением. В реальной жизни я и не предполагала, что когда-нибудь наши дороги могут пересечься...

Знакомство

Мудрецы Востока предупреждали: будьте осторожны со своими мыслями и желаниям, они могут исполняться...

В 1965 году я работала библиотекарем в Государственной библиотеке имени Вилиса Лациса на ул. Кр. Барона (теперь Замок Света на Набережной), в отделе «подсобный фонд». Это был самый посещаемый читателями фонд. Здесь получали литературу и студенты, и научные работники, и читатели самых разных категорий и запросов. Книги на дом не выдавались, их можно было читать только на месте.

В один из дней моего дежурства к столику подошёл пожилой интеллигентный господин в берете и с палочкой. Он протянул мне запрос на книги, спросил, долго ли ждать получения, и никуда от столика не отходил, терпеливо ожидая. Пока шёл подбор литературы по запросу, он охотно со мной разговорился. Оказался весьма коммуникабельным человеком. Очень вежливо представился: «Окунчиков Виктор Зиновьевич». Я тоже назвалась. За разговором выяснилось, что он ищет необходимые ему книги и альбомы по искусству, и альбом Конёнкова... Принесли из хранилища нужные книги и альбом скульптур Конёнкова с цветными иллюстрациями, и я спросила нового знакомого, видел

ли он в музее работу Игоря Васильева. Он оживился, кивнул утвердительно головой и поинтересовался моими впечатлениями. Я, конечно, очень эмоционально, в самых восторженных тонах рассказала, как меня потрясла эта скульптура. А в завершение ещё и добавила, что очень хотела бы и с самим автором познакомиться, узнать, что он за человек, как ему удаётся так впечатлять людей своим искусством. Виктор Зиновьевич слушал и как-то хитро улыбался. Когда я завершила свой каскад восторгов, он негромко сказал: «Это можно устроить, я вам обещаю». - «Как! - ахнула я, - вы знакомы с Игорем Васильевым? Какой вы счастливый!» - «Да, я его знаю, - пояснил он, - Игорь мой сын».

Визит в мастерскую

Виктор Зиновьевич оказался очень нежным и заботливым отцом художника. Он приходил к нам в библиотеку, чтобы подобрать сыну книги по искусству, периодические журналы, иностранные новинки. При встречах он охотно рассказывал о себе, о своём пути и о своей профессии тренера по конному спорту. Большой театрал, он лично знал всю театральную элиту Москвы, где жил с семьёй до 1953 года. Человек широкообразованный и разносторонний, легко и непринуждённо вёл беседу с любым человеком. Это был любезный и отзывчивый человек. В те смурные времена судьба привела его, как и многих, в ГУЛАГ в Казахстане. Профессиональные пути Виктора Зиновьевича переплелись когда-то с путями Василия Сталина, сына вождя, который тоже подвергся преследованию. После смерти Иосифа Виссарионовича семья принимает решение переехать из столицы в Ригу к бабушке Игоря – Ольге Осиповне Пенерджи, тоже скульптору.

Обо всём этом я узнаю постепенно из наших бесед при очередных визитах Виктора Зиновьевича в Госбиблиотеку. Он интересуется и моей жизнью. Ничего особо яркого в моей жизни нет, всё как у всех: семья, муж, маленькая дочка Марина, работа, учёба в Латвийском университете, общественная деятельность в библиотеке.

Однажды летним днём Виктор Зиновьевич пригласил меня в гости в мастерскую художника в Вецаки и, назвав день встречи, вызвался меня проводить.

Конечно я волновалась о том, как всё будет... А было всё очень тепло и приветливо. Меня ждали. На порог вышли встретить всей семьёй. Мама Игоря, Ирина Михайловна Васильева, улыбалась такими лучистыми глазами, из которых вылетали молодые искорки-задоринки, а за её спиной — сам художник, высокий, плечистый, библейской красоты бородатый человек, вежливо сдержанный и малоразговорчивый. Полная противоположность своим родителям. Потом откуда-то из глубины сада появилась Валентина Зейле – жена скульптора — худоцавая, стройная, скромная. Позднее я узнала, что Валентина так же талантлива, будучи скульптором, как и Игорь, и что двум профессионалам в одной маленькой мастерской уже становится тесновато... Наконец из дома в сад вышла встретить гостью сама бабушка Игоря — Ольга Осиповна. Она произвела на меня впечатление строгого и дисциплинированного, привыкшего к ответственности человека, немногословного и хорошо организованного. Скульптор-портретист, она оказала сильное влияние на талантливого внука в его творческой судьбе. Именно она привела 13-летнего Игоря в Латвийскую Академию художеств к скульптору Земдега на консультацию. После этой судьбоносной встречи мальчика приняли в Академию вольным слушателем до исполнения совершеннолетия. Уникальный и единственный случай. Но об этом я также узнала позже. А сейчас вся семья радушно приглашает переступить порог и войти в святая святых — в мастерскую художника.

То, что я увидела, меня впечатлило не менее, чем встреча с «Клиберном» в музее. Это был одновременно и настоящий храм скульптуры и домашний музей, где на полках вдоль стен, на постаментах, на полу — везде работы мастера. Мастерская пахла деревянной стружкой, потому что скульптуры из дерева. Как добрые друзья, смотрели они на гостя из всех углов: «Андрей Рублёв», «Даниил Чёрный и Феофан Грек», нежная «Зита Эрса» и «Кремер», «Николай Рерих», «Хачатурян», «Живая вода»

Мастерская — и очень уютная жилая комната, где полочки с книгами и широкий удобный диван, кругом вазы с цветами и много воздуха и света. А в соседней просторной гостиной камин, вокруг которого время от времени собираются друзья на чашечку кофе и на доброе общение под треск горящих в камине поленьев...

Гостеприимная хозяйка дома Ирина Михайловна широким жестом пригласила всех к столу в уютную небольшую кухню, оригинально устроенную и с выдумкой украшенную. Чувствовалось, что это — «творческая мастерская» самой хозяйки и её гордость. Всё пространство кухни заполнил аромат душистого кофе и запах только что испечённого пирога с клубникой. Всё говорило о том, что гостя здесь ждали... По-семейному, почти по-родственному, все собрались за столом, накрытым красивой вышитой скатертью и сервированным кофейными чашками кузнецовского фарфора. Так, очевидно, сервировали в былые времена в дворянских домах... Тепло и доверительно началось наше общение; казалось, будто мы давно знакомы, просто очень долго не виделись... Я рассказала о себе, о своей семье, о своём происхождении, о своей работе и своих увлечениях... Словоохотливая Ирина Михайловна чуть ли не сразу выложила всю биографию семьи. Многие совпадали... Например, я и Игорь родились в

Москве, разница в возрасте один год. Позднее по судьбе наши семьи оказались в Латвии. Сфера деятельности наших родителей — культура. Наш личный выбор жизненного пути — тоже культура. Сама энергетика дома, уклад, русское гостеприимство и приветливость во взаимоотношениях были близки моему сердцу. А сердце не обманешь, оно всегда отличит искренность от светской вежливости. Тебя сразу приняли как своего, по-родственному. Удивительно! Так сразу? Случайно ли это? Но столько совпадений ... Спустя годы из философской литературы я узнала, что в Космическом пространстве, гражданами которого мы все являемся (осознаём мы это или нет), все случайности объясняются закономерностями процессов жизни. Это значит, что всё происходящее с нами мы можем рассматривать именно под таким углом зрения.

Ирина Михайловна в отличие от своего сына необычайно словоохотливый человек. Игорь — весь в себе, говорил мало и о чём-то конкретном, об искусстве например, о деле ... А из уст Ирины Михайловны звучали мне непонятные тогда слова — «карма», «перевоплощение»... Я постеснялась спросить, что это такое, что они обозначают...

Намного позже, соприкоснувшись с бесценными книгами «Живая Этика», принесёнными на Землю Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами, я узнала о Космических Законах, по которым живёт весь Живой Космос, и эти слова мне стали ясны. Ведь моё поколение долго находилось в духовном вакууме и проживало жизнь вне понятий о Вселенной, о Космосе... Семья Васильевых давно владела этими знаниями, имея доступ к книгам «Живая Этика», изданным довоенным Латвийским обществом Рериха. Бабушка Игоря Васильева — Ольга Осиповна Пенерджи, тоже скульптор, живя в Риге ещё в буржуазное время, до войны, покупала эти книги, серьёзно изучала их содержание, принимая его сердцем, а позднее передала эти знания и книги внуку. Двухтомник писем Елены Ивановны Рерих, книги Рихарда Рудзитиса, «Тайная доктрина» Елены Петровны Блаватской и многие другие книги философской литературы задолго до нас уже узнал и прочёл в детстве будущий великий скульптор. Расширялось его сознание, и вкусы формировались под высоким духовным лучом Восточной Мудрости. С незабываемой нашей первой семейной встречи начались дружеские отношения, которые выдержали все испытания временем...

У горящего камина...

Много дней и лет пролетело с той первой встречи... Но этот дружелюбный дом меня не забывал. Когда Игорь изредка бывал свободен, к нему «на огонёк» собирались его добрые молодые друзья... Общение, как правило, происходило у камина. Здесь я познакомилась со многими из них. Это были, в основном, люди творческие... Кое-кто из них стал моделью для скульптурного портрета.

Такой портрет однофамильца Игоря — Анатолия Васильева, солиста рижского оперного театра, красивого молодого тенора, популярного в те годы — я увидела в мастерской. Он был из тёмного дерева, довольно крупный.

На этих дружеских встречах я познакомилась с самим Анатолием и его женой Ниной, концертмейстером, а также с другими друзьями: с Гурием Антиповым, солистом оперного театра и с его женой Татьяной; с архитектором Тamarой Агриной, врачом Сусанной Григорьевной Сочевой, с фотографом Анатолием Шутенковым, с супружеской парой Светланой и Игорем Палеи...

В уютной гостиной все устраивались поудобней, кто где хотел — на диване, в мягком кресле, а то и на низких скамеечках... Игорь приносил охапку дров и растапливал камин. Тихо звучала запись классической музыки... Потрескивали разгоревшиеся дрова, и лёгкий запах смолы приятно наполнял комнату...

На кухне «колдовала» Ирина Михайловна, готовя угощение гостям... Слово за словом текли дружеские беседы, обмен мыслями о насущном, о выставках, об искусстве, о том, что в мире происходит, делились творческими мыслями, шутили...

Сам художник был гостеприимен и отзывчив со всеми, но немногословен. Он больше слушал других, вставляя свои реплики там, где считал нужным, и постоянно следил за огнём в камине, подбрасывая дровишки.

Это были незабываемые мгновения встреч в Вецаки — как глоток кислорода, как омовение души красотой и радостью в доверительном кругу молодых друзей-романтиков. Конечно, в жизни каждого происходили свои изменения, круг становился меньше, но теснее. Однажды мне посчастливилось в нескольких поэтических строках зарисовать то настроение, которое царило тогда, в те годы в мастерской Игоря Васильева у камина...

Первая персональная выставка

Наступил 1971 год. У тридцатилетнего скульптора Игоря Васильева, преподавателя Латвийской Академии художеств, уже опытного мастера, собралось достаточно скульптурных произведений, чтобы представить их на широкое обозрение любителей искусства. Надо было решаться на первую в жизни персональную выставку.

Как и у всех художников, вставали практические вопросы, связанные с разными организационными трудностями. Об этом я узнала от озабоченного Виктора Зиновьевича, который проявлял чудеса организаторской деятельности, решая для сына многие проблемы, которые Игорю было трудно тогда уладить. Он больше думал о содержании выставки, постоянно пересматривая список отобранных для экспозиции работ, спешил завершить начатые, чтобы успеть к сроку.

На Виктора Зиновьевича легли почти все практические хлопоты. Местом выставки был избран выставочный зал в самом центре Юрмалы, в Майори, на улице Йомас. Время выставки — июль, в самый разгар курортного сезона, когда множество отдыхающих съезжалось со всех стран... Открытие наместили на 15 июля.

Самое трудное предстояло впереди — перевезти тяжёлые скульптуры из Вецаки в Юрмалу. Нужен был тяжёлый транспорт и рабочая сила для погрузки-разгрузки. И тут на помощь пришли друзья. Прежде всего на выручку пришёл Виктор Константинович Калнберз, главный врач Латвийского травматологического института. Он большой ценитель и поклонник таланта Игоря Васильева и искренний друг семьи художника. Виктор Константинович предоставил в распоряжение Игоря необходимый транспорт бескорыстно, тем самым сократив большие расходы семьи.

Необходимо было позаботиться также о широкой рекламе и в Риге и в Юрмале, нужны были уличные афиши и их расклейка. Эту задачу предложила решить я, так как в 1971 году я уже третий год работала директором детского широкоформатного кинотеатра «Пионерис», что находился на углу улиц Элизабетес (ул. Кирова) и Сколас. Мне доступна была возможность помочь Игорю в этом вопросе.

Все друзья с большой радостью помогали кто чем мог. Два друга — Толики — предложили себя в качестве «рабсилы» и помогали в самом физически тяжёлом подготовительном процессе. Скульптуры бережно упаковывали, чтобы не повредить при перевозке (дерево всё-таки), а затем устанавливали их на постаменты в выставочном зале...

Игорь, конечно, волновался, был сконцентрирован на всей композиции выставки, выбирал для каждой работы самое выгодное место, с точки зрения правильного освещения. Зато «папанчик» — такое домашнее имя придумала семья для Виктора Зиновьевича — был весь в движении и горел организаторским огнём, улаживая последние мелочи.

Наконец всё готово, экспозиция установлена и ожидает своих первых посетителей... Солнечный летний день 15 июля 1971 года принёс Юрмале настоящий праздник красоты и радости от встречи с изящным одухотворённым творчеством Игоря Васильева. Казалось, под солнцем работы словно ожили, излучая свой внутренний свет... В центре зала — нежная золотисто-орехового цвета скульптура девушки восточной внешности, в руках которой чаша. «Живая вода» — так называлась эта работа. На Востоке люди знают, что Чаша — это символ нашего духовного сердца. Тогда мало кому был понятен такой символ, ибо мы в 70-х годах были нацелены социумом совсем на другие идеалы... А мудрый художник нас ненавязчиво уже приглашал в дальнейшее путешествие в Страну Света, Истины непреходящей, Любви и Красоты.

Рождение персональной выставки сродни творческой исповеди мастера перед людьми, очень ответственный момент в жизни художника. А в первый раз — особенно!.. Но всё начинается с первой ступени, за которой будут и другие...

Ступени...

Годы, годы, годы... Игорь Васильев уже профессор Латвийской Академии художеств. Мэтр! На кафедре скульптуры за ним — целая плеяда воспитанных им молодых талантливых латвийских скульпторов. Его мастерство отшлифовалось, как алмаз, а слава о его таланте скульптора и педагога полетела далеко за пределы Латвии... Его работы были высоко оценены не только в Латвии, но и в России, Индии, США, Израиле и в других странах.

Перемены наступили и в социальной жизни, и в личной, как у самого художника, так и у его друзей... Два талантливых скульптора — Игорь Васильев и Валентина Зейле — прервали своё супружество. Их талант «на равных» требовал полной творческой независимости. Путь Валентины увёл её в город художников Париж. Мастер попытал своё счастье ещё дважды, но оба раза не сложилось. Его родословная пополнилась дочерью Машей и сыном Денисом.

Большой талант призван себя проявить и принести людям тот Свет, который в него заложен Богом. Трудно такое своё предназначение реализовывать, сочетая его с общепринятыми понятиями быта и семейных взаимных обязательств... Часто несовместимости сознаний приносят большую горечь.

Не частыми были наши встречи в те периоды, но связь с семьёй Игоря не прерывалась. Приходили известия о поездке в Америку, где профессора Васильева принимали с восторгом. Он и там не мог не работать — создавал портреты... Потом, в 1975 году, была благословенная Индия, одно из самых ярких незабываемых его впечатлений.

Игорь Васильев так писал, вспоминая об этом путешествии: «Меня в этой стране привлекало всё, каменные и бронзовые статуи древних божеств, скульптура пещерных храмов, настенные росписи монастырей, миниатюры, украшающие древние летописи...». Он много фотографировал, делал

зарисовки и путевые заметки. По возвращении начал сразу работать. В результате появляются портреты выдающихся деятелей страны: Махатмы Ганди, Джавахарлала Неру, Рабиндраната Тагора, Николая Рериха.

Помимо портретов Игорь Васильев в 1975-1979 годах создал серию станковых произведений — скульптурный дневник «По дорогам Индии». Язык символизма характерен для этой работы. Особенно ярка символика в композициях «Медитация» и «Странник».

Впервые с индийским циклом Игоря Васильева рижане познакомились на его персональной выставке в Риге в 1979 году. А в 1981 году персональная выставка работ мастера, посвящённая 30-летию провозглашения Республики Индии состоялась в Москве. Через два года скульптор был приглашён в Дели, где и была организована его выставка в Доме советской науки и культуры. Уже в первые дни её посетили ведущие искусствоведы, художники, журналисты, ветераны борьбы за независимость.

Волнующим событием для автора стала личная встреча с премьер-министром Индии Индирой Ганди в её резиденции. Игорь Васильев передал в дар индийскому народу скульптурный портрет Джавахарлала Неру.

Во время пребывания в Индии Игорь Васильев встретился со Святославом Николаевичем Рерихом. «Как хорошо, — сказал Святослав Николаевич, — что в Латвии есть люди, которым близка Индия».

Эти фотографии сделаны в июне 2000-го года в Сибири в Новокузнецком Народном музее семьи Рерихов. Работа Игоря Васильева "РЕРИХ" (из фондов Новокузнецкого городского художественного музея). Эту работу я видела ещё в мастерской в те далёкие годы....

Второй снимок сделан в день моего поэтического выступления в этом музее. На снимке сотрудники музея и члены Новокузнецкого общества Рериха.

Встречи на нулевой точке

В 1973 году по ступеням своей судьбы я вошла в Собор Святого Петра в центре Старой Риги, чтобы на целых 39 лет остаться в качестве первого директора памятника архитектуры 13-го века, залечивающего раны, нанесённые Второй мировой войной. Этот любимый всеми храм жестоко пострадал от пожара в самом начале войны, 29 июня 1941 года.

Сгорело всё убранство Собора, сгорела деревянная башня с золотым петушком, обрушились своды, остались одни средневековые кирпичные стены... Когда-то уникальный шедевр готики, он медленно возрождался к новой жизни: уже 25 лет длилась реставрация инженерной части здания по проекту архитекторов Петериса Саулитиса и Гунара Зирниса. После завершения первого этапа восстановления — смотровой башни с новым золотым петушком на 123-метровой высоте шпиля — пригласили меня на должность директора. Тем самым мне были оказаны большое доверие и честь.

Ставилась задача: сначала освоить башенный лифт и начать работать с туристами. Остальная часть здания в то время была вся в лесах, и ещё 10 лет продолжались восстановительные работы.

Мы сделали первые шаги в эксплуатации — и поток туристов активно потёк на «нулевую точку». Такая геодезическая точка находится при входе в собор и обозначена на полу платиновым квадратом... Если встать на этот квадрат и поднять голову, то кажется, что золотой петушок прямо над вами, потому

что находится он на одной вертикали с нулевой точкой. Этот квадрат и есть точка отсчёта, центр... Здесь начинается город, здесь стали назначать свидания молодые люди... Сюда привозили молодых в день свадьбы постоять на нулевой отметке «на счастье». Тысячи людей прошли по этой знаменательной точке, не догадываясь о её символике.

К 1985 году в Соборе завершились основные реставрационные работы. Здание огромно... пустое пространство — ни интерьера, ни мебели...

Игорь Васильев, узнав о своём новом рабочем назначении, позвонил и напросился на экскурсию. При первом посещении он был покорён величием Собора. Вспомнил слова великого Гёте: «Архитектура — это музыка, застывшая в камне...». И каждый раз, навещая Собор, с большим уважением вновь и вновь всматривался в грациозные своды, в изгибы окон..

Однажды ясным солнечным зимним днём Игорь в очередной раз зашёл в Собор, возвращаясь домой из рабочей мастерской на ул. Кунгу. Мы с ним, как водится, погуляли по периметру вокруг совершенно пустой алтарной части. Потом поднялись на то место, где был до пожара очень красивый деревянный алтарь. Сама собой пришла мысль предложить скульптору подготовить в Соборе Св. Петра рождественскую сакральную выставку. К Рождеству. Он был просто счастлив: в таком величественном Соборе — сакральная выставка, — да об этом только мечтать можно!..

Уточнили сроки и разные детали. Открытие наметили на Сочельник, 24 декабря 1990 года. Это число стало наиважнейшим в жизни и Храма и художника.

В Соборе Св. Петра с 1974 года прошло множество выставок художников и Латвии, и международных квадриналле, бииналле с самой разной тематикой, но не было ни одной сакральной выставки. Много раз я пыталась уговорить художников организовать такую совместную выставку на Рождество, но никто не отозвался, так как нечего, видно, было представить. И наконец моя мечта сбылась — Игорь Васильев дал согласие и был готов к большой экспозиции. Он сам был счастлив такому предложению. Работ сакральных у мастера было много, поэтому огромное пространство храма Игоря не пугало. Было что показать.

20 декабря 1990 года привезли скульптуры, начали разгружать и вносить в зал. Крупный только что созданный скульптурный портрет Александра Меня Игорь внёс и поставил на постамент сам. Потом пошёл к машине за следующей работой. Но когда вносил её, нечаянно плечом задел портрет Меня и тот с грохотом рухнул на пол и сильно пострадал. Мастер очень горевал, сердился сам на себя, и в сердцах сказал, что, мол, и при жизни не давали Меню покоя и за чертой...

Наступило 24 декабря, Сочельник... Выставка так прекрасно вписалась в средневековые стены древнего храма, будто всегда тут и была. Украсить церемонию открытия пришёл оркестр Латвийской оперы.

Зал активно заполняли приглашённые. Конечно, первыми пришли с цветами к своему учителю его студенты и коллеги – преподаватели Академии художеств. Они с нескрываемым интересом ходили по залу ещё до официального открытия и рассматривали удивительные работы мастера. Любопытство было велико, ведь такое — впервые...

Многие давние поклонники таланта скульптора Игоря Васильева были в этот предрождественский вечер в Соборе Св. Петра. Известные в обществе представители культуры и власти тоже пришли поздравить Игоря Васильева. Открыл праздник президент Латвийской академии наук Янис Страдынь.

Это был триумф скульптора. Храм его принял. А люди были благодарны за высокую духовность, с которой они встретились в его произведениях. Здесь был представлен настоящий пантеон Святых: «Спаситель», «Андрей Рублёв» (второе название «Бог»), «Богородица», «Сотворение мира», «Апокалипсис», «Святой Пётр», «Ангел», «Живая вода» и другие.

Интерес был большой и у горожан, и у гостей города. Многие успели посмотреть и навсегда запомнить эту удивительную экспозицию. Игорь Васильев регулярно приходил в Собор, и любой посетитель мог с ним поговорить или его поблагодарить. Однажды скульптор увидел на полу возле колонны, на которой была работа «Богородица», лужицу. Он очень встревожился: откуда? кругом пол сухой и даже тёплый, а тут — влага... Попросил дежурную подтереть. На следующий день пришёл проверить, нет ли каких «сюрпризов»... Но всё было тихо, спокойно и...сухо. Тут вдруг его пронзила мысль: «Богородица» начала мироточить, а мастер понял превратно, — она обиделась и перестала... Он потом переживал, осмысливал всё, о чём ему как бы неслышно шептал на ухо сам Собор...

Выставка закончилась ровно через месяц — 24 января 1991года, в морозный день, когда вся Старая Рига вдруг обросла баррикадами и в город ворвался политический непокой... Скульптуры увезли, а нам, сотрудникам храма, без них стало так тоскливо, как будто мы осиротели. Долго ещё светлая аура этого божественного искусства продолжала присутствовать под сводами Собора. Хотелось снова пережить нечто похожее...

Скульптура Иисуса Христа

Прошло несколько зимних баррикадных месяцев, которые казались вечностью... К весне жизнь

города постепенно начала входить в привычные берега. Приближался летний туристический сезон, период наплыва отдыхающих, путешествующих, гостей из зарубежья...

С весенними лучами солнца и природа и человек возрождались к активной жизни... Это такая пора года, когда творческое начало в душах людей активизируется. После сакральной выставки Игоря Васильева в Соборе Св. Петра появилась непроходящая ностальгия по духовному наполнению Храма. Я позвонила Игорю и предложила встретиться и обговорить некоторые важные вопросы... В назначенный день мы снова обошли Собор по периметру, потом поднялись на несколько ступенек в алтарную часть. Стоя под 35-метровыми сводами, в пустом пространстве алтарной части, я спросила у мастера может ли он что-то сделать для Храма, чтобы заполнить эту пустоту? До войны тут был деревянный алтарь с двенадцатью фигурами апостолов Христа... Но он сгорел. И теперь пустое пространство... Игорь молчал, потом сказал коротко: «Надо подумать». Я была рада уже тому, что он моё предложение сразу не отклонил, наоборот, дал надежду...

Прошло несколько месяцев, прежде чем художник пригласил меня зайти в его творческую мастерскую (на улице Кунгу) посмотреть эскиз будущей скульптуры. Это была небольшая настольная скульптура из пластилина, точная копия скульптуры, сегодня хорошо известной всем. Христос представлен в образе Утешителя всех страдающих. Его руки со стигматами готовы утешить каждого. Складки рукавов Его хитона напоминают готические своды собора. Мне такой образ очень понравился, и я дала согласие на начало работы уже над большой скульптурой для алтаря. Работа масштабная. Она требовала много времени и терпения. Материал (импортную массу) Игорь выбрал цвета слоновой кости. Я ждала с нетерпением окончания работы.

Наконец долгожданная скульптура готова! Договорились о дне «вхождения» её в алтарь — 10 ноября 1992 года. Опять собрался круг студентов-помощников во главе со студентом Геннадием Степановым для монтажных работ отдельных составных частей скульптуры. Этот день для Собора Св. Петра считаем судьбоносным: в центре алтарной части, на деревянном высоком постаменте, возвысился светлый, прекрасный облик Христа. Ему суждено было стать главным магнитом Храма, к нему потянулся народ. От него шёл Свет!

Хочу послать в Вечность свою великую благодарность талантливому скульптору и благороднейшему человеку, моему другу — Игорю Васильеву за бескорыстный подарок своего большого сердца и талантливых рук. Имя мастера навеки теперь связано с самым древним и величественным Собором Святого Петра в Риге.

Бронзовые страницы Библии

Четыре года спустя Игорь Васильев снова вернулся в Собор Св. Петра. В преддверии Нового 1997 года, 29 декабря, мастер представил городу свою новую сакральную выставку под названием «Сакральный облик Игоря Васильева и его ученики». Было и неофициальное название «Бронзовые страницы Библии». Тема навеяна Старым Заветом. На мощных отлитых в бронзу страницах проходят один за другим сюжеты библейских событий, целый пантеон Святых... Часть выставочного пространства занимал сам художник, а в другой части разместились скульптурные работы учеников. Совсем юные таланты, школьники, среди которых был и сын Игоря Васильева — Денис Васильев, привлекли внимание скульптора, и он взял их под своё творческое крыло, как его самого когда-то школьником приняла Художественная Академия. Ребята представили интересные и вовсе не дилетантские работы в разном материале: дереве, бронзе, гипсе...

Сам Игорь Васильев представил на суд любителей искусства совершенно уникальные страницы Библии в своём художественном прочтении и монументальном воплощении... Впечатление грандиозное!

Так же неожиданно открылась ещё одна творческая грань художника — его педагогический талант... Есть разница в обучении студентов, взрослых людей и школьников, особенно младших... Игорь Васильев решился на эту деятельность, понимая, что детские таланты кто-то должен бережно растить и развивать...

Волна интереса к творчеству скульптора снова вела к порогу Собора Св. Петра любителей и поклонников его большого духовного искусства... Сакральная экспозиция в Соборе закончилась 26 января 1997 года. Это была последняя монументальная выставка в его жизни.

21 июня 1997 года Игорь Викторович Васильев скончался после недолгой, но тяжёлой болезни.

P. S.

С Игорем Васильевым наши встречи последние годы происходили только в Соборе Св. Петра. Нам интересно было общаться, так как темы почти всегда были о творчестве, о новом, часто о семье Рерихов, почитателями которых мы оба давно уже были. Книги Живой Этики, принесённые Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерихами на Землю, стали нашим духовным хлебом, а Космические Законы, раскрытые в этих бесценных книгах, стали путеводителями в столь

усложнившейся жизни. Игорь часто охотно отзывался на приглашения на праздники Культуры в Соборе. Чтобы поздравить меня в дни презентации моих поэтических книжек, приходил всегда с подарком. Говорил он мало и скупой и потому тем ценнее теперь те немногие реликвии, которые подарены или написаны им. Так очень ценю подаренную книгу «Я более всего весну люблю» Сергея Есенина, а также автограф на пригласительном билете на выставку «Бронзовые страницы Библии»...

Однажды я рассказала Игорю легенду (часто легенды являют собой завуалированную Истину) о том, что в XVI веке алтарь Собора Св. Петра украшала картина Альбрехта Дюрера, но приход реформации её уничтожил... Игорь прослушал эту историю взволнованно. Причиной стал сам Дюрер. Оказалось, что это его любимый художник. Трагическая судьба алтарной картины разбредила его душу, ведь она была там, где сейчас стоит его скульптура.

Ещё в детстве, в свой десятый день рождения, Игорь получил в подарок от родителей художественный альбом о Дюрере. Это было в Москве в 1950 году. Он почти фатально держался за мысль, что Дюрер — это его прошлая реинкарнация. В тот последний год его жизни Игорь часто по дороге из мастерской заходил в Собор посидеть в зале в последнем ряду и послушать постоянно звучащую тихую мелодию «Любовь Ангелов». Он сидел, слушал, смотрел на своего Христа в алтаре, думал какие-то свои дальние думы... Потом вставал и уходил. Так повторялось почти ежедневно. Об этом мне рассказывали сотрудники. Этот Храм стал для него местом истинного утешения души в столь беспокойном окружающем мире...

Игорю Васильеву

КАМИН

Опять горит камин —
Наш дружеский очаг,
И мы вокруг сидим,
И нам приятно так.

Над нами ветерком
Кофейный аромат.
И этот щедрый дом
Пришельцам очень рад.

Тут ни один из нас
Душой не покривит,
Тут ясность душ и глаз,
И честный смех звенит...

Легко и дружбе в такт
Пульс радостно стучит.
Тут дружеский очаг,
И в нём огонь горит...

Игорь Васильев и Марианна Озолина в церкви Св.Петра. 2 ноября 1982г.